

The image shows the interior of a train carriage. The seats are upholstered in dark brown leather. A window is visible on the left side, showing a bright exterior. A metal handrail is visible on the right. The floor is dark wood. A metal grate is visible under the seat in the foreground.

Вадим Кудрявцев

Эпизод детства

16+

Вадим Зиновьевич Кудрявцев

Эпизод детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33174192

SelfPub; 2018

Аннотация

Детские воспоминания иногда хранят то, что осмыслить
можно лишь потом.

Не знаю, кто как, а я детство не помню совсем. Так, какие-то слайды, урывки, наведенные чужие воспоминания. И всего несколько эпизодов, которые можно было бы рассказать. То есть куски детства, которые я могу воспроизвести досконально в своем воображении. Законченные и живые. Один из них я и решил рассказать вам.

Каждое лето родители старались вывезти нас с братом на море. Для этого откладывались деньги весь год, родители списывались с хозяйками каких-то прибрежных «шанхайчиков», покупались курортные вещи. Из шкафов доставались сланцы и кепки. Как-то было не принято носить их в городе, даже летом. А тут они доставались, и сердце щемило от надвигающейся радости ношения всего этого.

Я очень ждал каждый год этой поездки. Причем я грезил не о море и не об отдыхе. Больше всего я ждал самой поездки. Поездки как таковой. Я просто очень любил «кататься на поезде». До того, что в детстве даже мечтал стать проводником. И поэтому, когда уже начинали паковать многочисленные чемоданы, я приходил в состояние крайнего нетерпения: значит уже скоро. Ходил вокруг комплектовавшегося багажа и контролировал, чтобы не забыли моих индейцев и пистолеты. И еще сомбреро, купленные на отдыхе и, как ни странно, дожившие с предыдущего курортного сезона. Пыльные, провалявшиеся год на шкафу, они доставались, чистились и укладывались в сумки, так как в чемоданах их можно было просто раздавить.

Мамина подстилка, панама от солнца «медуза» и вязальные спицы... Папина маска, трубка и набор стамесок для резьбы по дереву... Переплетенные папой и еще не прочитанные «Роман-газеты» и «Юности»... Все это лежало в шкафах и ждало своего часа. А будучи вытасненными из нафталинового плена и собранными вместе, все эти вещи производили на меня чарующее впечатление. Так что в процессе сборов я вертелся под ногами у родителей, тем самым сильно мешая, просто потому, что не мог быть в стороне от этого зарождающегося счастья.

В тот год мне было лет пять. И мы ехали на море. Было вызвано такси. Как я любил ездить на такси... Я и сейчас люблю ездить в машине, но тогда это было совершенно особенное впечатление. Вплоть до запахов и цоканья счетчика. Удавалось прокатиться-то не часто: когда-никогда родители заговорятся в гостях так, что транспорт уже не ходит... А тут на такси, да еще и на вокзал, к поезду. Это же вообще не передать...

Поезд всегда был местного формирования, поэтому на перроне как раз напротив нашего вагона нас всегда уже ждали бабушки и дедушки. Они приезжали всегда раньше нас, так что, в принципе, ориентироваться в поиске нашего вагона можно было исключительно на них. Но все равно всегда при подходе к перрону доставались билеты, и выяснялся номер вагона. Делала это всегда мама, так как папа изображал из себя караванного верблюда, навьюченного под завязку, и

физически не смог бы исполнять роль штурмана.

Вещи заносились в наше купе, и все выходили прощаться с бабушками и дедушками. Родители послушно выслушивали наставления старших, а мы с братом носились по перрону, играя в какие-то незамысловатые и очень подвижные игры, прячась за спины взрослых. И все это с визгом и смехом. Родители постоянно останавливали нас, пытаясь успокоить и объяснить, что играть вблизи железнодорожных путей опасно. Но на нас это мало действовало, и в итоге заканчивалось все папиным подзатыльником. Получал его всегда брат как старший, но «надувались» мы оба. Хотя обиды и послушания хватало ненадолго, и уже минут через десять мы все так же носились и визжали.

Потом проводница предупреждала, что через пару минут поезд отправляется. Провожающие начинали целовать отбывающих, а затем в след кричать еще какие-то последние наставления. Мы заходили в свое купе и еще долго махали бабушкам и дедушками, а они нам. Они показывали жестами, мол, пишите, родители утвердительно кивали головами. А мы всё махали... Поезд дергался, и, пока провожающие еще были видны, мы махали...

Так было каждый раз. Так было и в тот раз. Тут еще нужно сказать вот что. Родители всегда покупали все четыре места в купе. Причем в купейном вагоне. Это, конечно, было дороже, но на порядок комфортнее. Один раз, еще когда мой

брат был совсем маленьким, родители попытались сэкономить на билете, уложив брата с мамой на одну полку. Но, промучившись всю ночь с моим резвым братом, мама сказала, что больше она так ездить не согласна. Поэтому, когда в поездки начали брать и меня, подобные эксперименты родители уже решили не проводить. Так что мы всегда занимали все купе, специально покупая билеты заранее. Мама и я спали на нижних полках, а папа и брат – на верхних. Но меня-то всегда тянуло на верхнюю полку. Это же намного интереснее, да и как-то взрослее, что ли. Поэтому почти сразу папа закидывал меня на верхнюю полку к нашему обоюдному удовольствию: я не путался у него под ногами и аж светился от удовольствия.

Некоторое время я был занят тем, что просто упивался атмосферой купе: и этим неказистым купейным столиком, и тусклой лампой с щелкающим тумблером, которую включали только вечером, что не мешало мне постоянно щелкать выключателем, и ручкой для включения вечно неработающего радио, и матрасами, закинутыми в боковое отделение... Все это приводило меня в полнейший восторг. И только насытившись всем этим, поняв, что все это на некоторое по-детски долгое время будет "нашим", я позволял себе наконец лечь на живот, уставившись в окно. Не знаю, поймете ли вы меня, но с верхней полки в окно смотреть намного интереснее, чем с нижней. И вот так я мог пролежать очень долго, смотря на мелькающие мимо деревья, пожелтевшую

от жары траву, раскаленные бетонные пригородные станции, и провод, который то стремится вниз, то снова поднимается, как волна.

Не исключаю, что может я и помню эту историю только потому, что она произошла в купе поезда. Поезда, которого я впитывал всеми порами, пытаюсь запомнить, запечатлеть каждую деталь на целый год до следующего свидания.

Состав уже убежал прочь от города, родители достали сменные вещи и уже собирались закрыться, чтобы переодеться, когда дверь нашего купе отворилась, и на пороге показался мужчина. Тогда бы я его охарактеризовал как «взрослый дядя», хотя точной оценки бы это не дало, так как «взрослые дяди» на тот момент у меня начинались от 18 и заканчивались около 50 лет. Далее шли «дедушки», отличающиеся от «взрослых дядь», в принципе, только количеством седины. Сейчас я думаю, что мужчина был лет 37-ми или около того. В правой руке он держал билет, с которым он сверял номер своего места, а в левой – «дипломат». Для человека, отправляющегося на море, «дипломат» был совсем непривычным багажом. Это заметил даже я – ребенок. Мужчина еще раз проверил наличие номера своего места в нашем купе, положил билет в нагрудный карман рубашки, тихо поздоровался, вошел и сел на одну из нижних полок. Поставив «дипломат» рядом на сиденье, он замер, погрузившись в какие-то свои мысли. Хотя это я понимаю только сейчас, своим нынешним умом. А тогда я был удивлен тем, что дядя

сидел абсолютно неподвижно и смотрел невидящим взглядом на вытертую краску прохода. Как памятник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.